

В холодных стенах больницы, у дверей отделения интенсивной терапии, врач раз за разом приносил счета на оплату. Чэн Чэ, словно заведенная, механически бегала оплачивать их.

Ей было всего двадцать два года, стажировка длилась меньше года, и никаких накоплений у нее не было. Деньги закончились стремительно, а всеми финансами семьи распоряжалась мачеха.

Выхода не было, пришлось звонить и требовать деньги у нее.

— Если не пришлешь деньги, я заявлю в полицию, — пригрозила Чэн Чэ. — Это преднамеренное убийство, так что готовься сесть в тюрьму!

Мачеха будто сошла с ума: в трубке раздался ее безумный хохот.

— Дрянь, я ничего не боюсь! Кто встанет на пути у моей дочери, тот умрет. Хочешь спасти отца — соглашайся на брак с семьей Хо. Иначе, даже если ты убьешь меня, не получишь ни гроша.

Она окончательно спятила. Чэн Чэ повесила трубку, собираясь просить помощи у друзей.

В этот момент из реанимации пришли плохие новости: рана в области сердца оказалась слишком глубокой, хирургическим путем ее уже не восстановить. Требовалась пересадка сердца, иначе спасти пациента будет невозможно.

Чэн Чэ в отчаянии рухнула на пол, лишившись всякого самообладания.

Врач поспешил утешить ее, сказав, что состояние больного пока стабильно и операция не требует немедленного вмешательства. Сейчас главное — собрать деньги, нужно подготовить хотя бы полмиллиона.

В душе Чэн Чэ забрезжил слабый огонек надежды.

Следующие несколько дней прошли в попытках найти средства. Она хотела занять, но, кроме отца, родных не было, а друзей всего двое. К тому же, выносить сор из избы не хотелось, да и много ли у них денег?

В итоге она оформила все доступные кредиты, с трудом наскребла триста тысяч, но в реанимации деньги улетали как вода: не прошло и полмесяца, как сто тысяч исчезли.

И самая большая проблема заключалась в отсутствии донорского сердца.

В момент полного отчаяния в больницу прибыли люди из семьи Хо и заявили, что могут

немедленно организовать операцию по пересадке, взяв все расходы на себя.

Разумеется, не без условий.

Чэн Чэ решила, что это мачеха разболтала всё посторонним. Ее отчаяние мгновенно сменилось безграничной яростью. Она бросилась домой и избивала мачеху, не останавливаясь, пока та не оказалась в крови.

Но мачеха словно потеряла рассудок: даже с окровавленным лицом она продолжала дьявольски хохотать.

Вернувшись в больницу в оцепенении, Чэн Чэ почувствовала липкость на лице. Провела рукой — кровь. Взглянула в зеркало на стене и только тогда поняла: у самой лицо в синяках, одежда порвана в нескольких местах. Вид был более чем жалкий.

Не желая ловить на себе косые взгляды прохожих, она свернула в уединенный больничный парк, села на длинную деревянную скамью и надолго погрузилась в пустоту.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда позади раздался голос:

— Госпожа Чэн?

Чэн Чэ обернулась. Перед ней стоял мужчина средних лет, лет сорока, с утонченными манерами и интеллигентной внешностью.

Она его не знала и с недоумением спросила:

— Вы кто?

— Я Оуян, дворецкий семьи Хо, — ответил он мягко. — Не помните ли вы, госпожа Чэн, мы ведь уже встречались?

— А? — Чэн Чэ совершенно не могла вспомнить такой момент.

— Вы не помните? — переспросил дворецкий.

Чэн Чэ совсем растерялась и неловко произнесла:

— Простите, я правда не припоминаю.

— В отеле Хуанцзюэ, — подсказал Оуян.

— Я была там всего один раз, — Чэн Чэ пыталась напрямь память, но тщетно. — Прошу прощения, но вы — человек, которого трудно забыть, однако я действительно не помню нашей встречи.

— В лифте, — добавил дворецкий.

Чэн Чэ словно молнией ударило: та самая встреча на свидании вслепую, когда двери лифта открылись и она увидела его на мгновение.

— Кажется, вы вспомнили, — довольно улыбнулся Оуян.

Раз он дворецкий семьи Хо, то кто же тогда был тот мужчина на верхнем этаже?

— Госпожа Чэн, вы вспомнили нашего старшего господина? — с улыбкой спросил дворецкий.

Старшего господина? Чэн Чэ вздрогнула. В памяти всплыла сцена, где она вела себя неподобающе, и ее лицо вспыхнуло огнем.

От неловкости хотелось провалиться сквозь землю. Она отчаянно принялась извиняться:

— Простите, пожалуйста! В тот раз я перепутала этаж и позволила себе... в общем, простите. Передайте, пожалуйста, мои извинения господину Хо, я правда не хотела ничего такого.

Оуян прыснул со смеху:

— Если хотите извиниться, госпожа Чэн, сделайте это лично нашему господину.

Он отступил на два шага и посмотрел за спину девушки.

Чэн Чэ обернулась и увидела, как сквозь ветви цветущих деревьев на инвалидном кресле выехал мужчина в черном костюме. Он смотрел вверх, на опадающие лепестки, затем нахмурился и опустил взгляд. Его длинные ресницы дрогнули, и на них опустился белоснежный лепесток.

Эта картина была невероятно красивой. Чэн Чэ лишилась дара речи от восхищения.

Дворецкий прервал ее молчание:

— Госпожа Чэн, раз уж мы случайно встретились, некоторые вещи требуют разъяснения.

— А? — Чэн Чэ еще не пришла в себя.

— Что касается требования семьи Хо о вашем замужестве за нашим старшим господином — это полнейший абсурд. Наш господин заранее ничего об этом не знал.

— А... — Чэн Чэ не успевала осмыслить услышанное и машинально кивнула: — Оу.

— Поэтому, пожалуйста, не берите это в голову. Наш господин, разумеется, решит этот вопрос.

Услышав это, Чэн Чэ не почувствовала облегчения.

— И еще, о травме вашего отца. Мы узнали об этом только сегодня и выражаем искреннее сожаление. Если вам что-то понадобится, можете связаться с нами в любое время.

Чэн Чэ прекрасно понимала, что это лишь пустая вежливость.

— Не волнуйтесь, мы не станем пользоваться чужим горем и принуждать вас к чему-либо, — добавил с улыбкой Оуян.

Едва он закончил, раздался холодный, отстраненный голос Хо Яньхуая:

— Поехали.

Дворецкий подошел и покатил кресло прочь.

Глядя на удаляющиеся фигуры, Чэн Чэ вдруг охватил порыв. Приняв решение, она крикнула:

— Подождите!

Оба остановились и обернулись.

Чэн Чэ решила идти ва-банк и громко спросила:

— Вы согласны жениться на мне?

Хо Яньхуай был ошеломлен, слово отказ уже сорвалось с его губ, но тут подул ветер, и с неба посыпались лепестки цветов.

Она стояла посреди этого цветочного дождя, дрожа от волнения, похожая на брошенную тряпичную куклу, а в глазах блестели слезы.

Она выглядела такой несчастной.

— Если молчите, я сочту это за согласие.

Хо Яньхуай не знал, что ответить.

— Я согласна выйти за вас, — выпалила Чэн Чэ и развернулась, чтобы уйти.

Хо Яньхуай был настолько потрясен, что долго не мог прийти в себя.

А Чэн Чэ шла прочь, вытирая слезы. По крайней мере, она его видела: ее будущий муж был совсем не таким ужасным, как о нем судачили, более того — он был невероятно прекрасен.

<http://bllate.org/book/18676/1804341>